Дмитрий ВЕРЕСК

Антракта не будет. Спектакль длинной в 250л

Дмитрий ВЕРЕСК

Антракта не будет. Спектакль длинной в 250л

«Автор»
2026

ВЕРЕСК Д.

Антракта не будет. Спектакль длинной в 250л / Д. ВЕРЕСК — «Автор», 2026

Как создавался самый дорогой спектакль под названием Америка. Как закусочные режиссёры уже 250л продвигают "американскую демократию". Весь мир только декорация Давайте разберёмся от того как создавался это спектакль и до современности в формате театра с актами, декорациями, афишей.

© ВЕРЕСК Д., 2026
© Автор, 2026

Дмитрий ВЕРЕСК
Антракта не будет.
Спектакль длинной в 250л

Глава 1

(Филадельфия, лето 1776-го. Занавес ещё закрыт, а афиша уже в печати. Только в ней другая дата.)

Первое правило любого шоу: премьеру назначает не тот, кто выходит на сцену, а тот, кто печатает афишу.

Начнём с того, как на самом деле родилась независимость. Она родилась тихо, без фанфар, с задней двери.

7 июня виргинец Ричард Генри Ли вносит в Конгресс резолюцию: колонии «должны быть свободными и независимыми государствами». Джон Адамс её поддерживает. Но голосовать рано, часть делегаций не получила от своих штатов инструкций. Решение откладывают.

1 июля проходит предварительное голосование. Девять колоний «за». Пенсильвания и Южная Каролина «против». Делавэр раскалывается пополам. Нью-Йорк воздерживается, его делегаты не уполномочены решать.

Революция, которую будут славить два с половиной столетия, в этот момент висит на волоске. Для шоу, которое на следующий день станет национальным, это плохое начало.

(Свет сужается до одного стола. Заседание второго июля. Двое мужчин берут шляпы и тихо уходят.)

Второго июля независимость принимается потому, что двое её противников остаются дома.

Пенсильванцы Джон Дикинсон и Роберт Моррис не согласны с разрывом, но не хотят мешать большинству. Они отсутствуют, и пенсильванская делегация голосует «за» перевесом три к двум. Южная Каролина ради единства меняет голос. В Делавэре, по рассказу, к которому мы вернёмся позже, тяжёлую партию решает человек, которого вызывают срочным гонцом. В итоге двенадцать «за», ноль «против», Нью-Йорк воздержался.

Это и есть настоящий момент рождения: двенадцать голосов в закрытом зале, без репортёров. Журнал Конгресса фиксирует его сухо, как протокол собрания жильцов.

(Крупный план. Письмо, перо скребёт бумагу. Дата: 3 июля.)

Адамс только что вышел из этого зала и пишет жене Абигейл. Он счастлив и ещё не остыл. Он уверен, что второе июля 1776 года станет самым памятным днём в истории Америки. Потомки, предсказывает он, будут отмечать его как великий праздник: с благодарственными молебнами, с торжеством и парадом, а главное, со «зрелищами».

В оригинале стоит слово *Shews*. Дальше идёт перечень: игры, спорт, пальба, колокола, костры и иллюминация «от одного края континента до другого, отныне и навсегда».

Отметим, какой список составляет отец-основатель в личном письме. Сначала Бог, потом сразу сцена. Он видит страну как спектакль ещё до того, как она существует. И рассчитывает постановку почти безошибочно: всё сбудется, вплоть до костров.

Ошибётся он в одном. В дате.

(Звук станка. Ночь на пятое.)

Четвёртого Конгресс утверждает текст Декларации, и дальше работает уже не политика, а типография.

В ту же ночь печатник Джон Данлэп выпускает официальный лист. Тираж около двухсот экземпляров, и это называют «листовкой Данлэпа». Рассылают их по штатам, ассамблеям и командирам армии.

Посмотрим на подписи, которых там нет. Нет Джефферсона, нет Франклина, нет героической очереди к перу. Внизу напечатано всего два имени: председатель Конгресса Джон Хэнкок и секретарь Чарльз Томсон. Основная масса подписей будет поставлена только 2 августа, на отдельном пергаменте.

Страна появляется в мире не как рукописный подвиг, а как тираж. В первую ночь у неё есть не документ с автографами, а афиша. С датой, которую придумал печатник.

Горькая деталь №1. До наших дней сохранилось около двух десятков копий листовки (чаще называют двадцать шесть, число уточняется). В 1989 году одну нашли в Пенсильвании за картиной, купленной на барахолке всего за четыре доллара. В 2000 году этот экземпляр ушёл с аукциона Sotheby's более чем за восемь миллионов, и в числе покупателей называют телепродюсера Нормана Лира. Первую афишу страны в итоге купил человек из телевидения. Сюжет сам себя пишет.

(Свет меняется. Ремарка для читателя, которому уже нарисовали духоту.)

Теперь о легенде, без которой не обходится ни один рассказ об этом дне: о жаре.

Принято изображать июльский зал как парилку, где вспотевшие мужчины в париках торопятся закончить дело. Красиво, и в 1787 году, во время Конституционного конвента, жара действительно мучила делегатов. Но 4 июля 1776-го всё было спокойнее.

Томас Джефферсон, человек педантичный, в тот самый день покупает термометр. И записывает показания, как положено исследователю. Температура днём поднималась до 76 по Фаренгейту, примерно 24 градуса Цельсия. Тёплый летний день и не более того.

Жару достроили позже, потому что драме нужна температура. Ремарка «свет жёлтый, воздух тяжёлый» не из документов, а из режиссуры потомков.

Метка: значения термометра берём из записей Джефферсона (**документ**), а душную атмосферу сразу помечаем как **легенду**. Это правило всей книги: показываем, где кончается протокол и начинается постановка.

(Свет гаснет. Ритм ускоряется. Страна учится праздновать.)

Страна выбирает дату, которую ей подсунули, и привыкает к ней навсегда.

Первую годовщину Филадельфия отмечает уже в 1777 году, и отмечает именно четвёртого. Корабли украшены флагами, пушки салютуют по числу штатов (тринадцать), звонят колокола, горят костры. Всё, что описал Адамс, сбывается, кроме даты.

Сам Адамс, по сохранившимся свидетельствам, до старости считал праздничным днём второе июля и неохотно принимал приглашения на четвёртое. Эту деталь передают как предание. Но суть ясна: автор афиши видел шоу иначе, чем зрители.

Государственной датой четвёртое станет только в 1870 году, когда Конгресс объявит его неоплачиваемым выходным для федеральных служащих. Оплачиваемым он станет лишь в 1938-м. Ни один сценарист не придумал бы такого: праздник независимости стал оплачиваемым только после Великой депрессии.

(Звучит колокол. Прыжок на пятьдесят лет вперёд.)

Четвёртого июля 1826 года, ровно через полвека, умирают двое.

Около часа дня в Вирджинии, в Монтичелло, умирает Томас Джефферсон. Вечером в Массачусетсе умирает Джон Адамс, тот самый «режиссёр», который обещал стране зрелища и ошибся датой.

По преданию, последними его словами было: «Томас Джефферсон ещё жив». Он ошибся второй раз, теперь о жизни. Легенда красива, документально не подтверждена, и в этой книге помечена именно так.

Страна принимает это как знак свыше. Пятый президент Джеймс Монро умрёт четвёртого июля 1831 года, и знак получит подтверждение. Позже Калвин Кулидж родится в этот день, 4 июля 1872-го. Страна не запрограммировала совпадения, она просто обучилась их замечать. Это тоже часть шоу.

(Затемнение. Звук станка стихает. На чёрном экране надпись.)

Январь 1776-го. Но чтобы понять, как до этого дошло, перемотаем плёнку назад. Тогда революцию не хотел почти никто. А чтобы её захотели, понадобился не юрист и не генерал. Понадобился продавец.

* * *

(Филадельфия, зима 1776-го. Зал битком, но зрители не хотят того, ради чего их собрали. Роль невидимого режиссёра пока вакантна.)

Первое, что нужно знать о революции: в начале её почти никто не хотел.

Летом 1775 года Конгресс принимает «Петицию оливковой ветви», смиренное обращение к Георгу III с просьбой уладить ссоры по-семейному. Подпись под ней ставят те самые люди, которых потом назовут отцами нации. Король петицию даже не принимает: в августе он объявляет колонистов мятежниками.

Через несколько дней, 25 августа, Томас Джефферсон пишет частное письмо. По смыслу: зависимость от Британии, должным образом ограниченная, ему милее зависимости от любой другой державы. Автор будущей Декларации ещё за зиму до её написания не мечтает о разрыве.

Идея независимости в 1775 году выглядит как крайность. Её исповедуют единицы, и порядочные люди перед ней отводят глаза.

Теперь спросим: как за один год из крайности сделать мейнстрим? Для этого нужен не юрист, не генерал и не философ. Нужен продавец.

(Свет падает на стол. За столом человек, у которого есть всё, чтобы стать вашим героем, кроме единственного: успеха.)

Знакомьтесь: Томас Пейн, 37 лет.

Родился в английском Тетфорде, в семье корсетника. Сам пошёл по той же дорожке и стал мастером корсетов. Бизнес прогорел. Он идёт в акцизные чиновники, и дважды его выставляют со службы: сначала за формальности, потом за то, что агитировал за повышение жалованья коллегам. Брак распался. Имущество описали и продали с молотка.

В 1774-м он садится на корабль и плывёт в Америку. По дороге в команде и среди пассажиров вспыхивает тиф. Пейна выносят на берег едва живым.

С собой у него одно: рекомендательное письмо от Бенджамина Франклина, с которым он познакомился в Лондоне. Франклин рекомендует его как человека способного и достойного. Для карьеры в колониях это немного, но хватает на скромную работу в «Пенсильванском журнале» (редактор у Роберта Эйткена). Журнал при нём начинает продаваться лучше.

Так выглядит человек, которого вот-вот услышит вся страна. Чужак без связей, денег и репутации, с годом американской прописки за спиной.

(Звучит голос из-за кулис. Это доктор Бенджамин Раш, врач, подписант, будущий отец американской медицины.)

По собственному рассказу Раша, именно он подталкивает Пейна к главному решению. Тот уже обдумывает книгу о примирении, которой не будет. Раш в разговоре убеждает его писать о независимости, а потом подсказывает название. Рабочее заглавие Пейна: «Простая правда». Раш говорит: нужно «Здравый смысл».

Метка: перед нами **воспоминание**, а не документ. Раш рассказывает это много лет спустя, и в его пересказе он главный сценарист. К чужим воспоминаниям всегда стоит присматриваться, особенно когда рассказчик хорошо смотрится на заднем плане.

Но название действительно гениальное. Оно делает то, что делает лучший маркетинг: заранее объявляет противников людьми без здравого смысла. Если вы за примирение, вы не просто неправы, вы глупы. Попробуйте после этого возражать.

(Крупный план: 10 января 1776 года, витрина типографии Роберта Белла в Филадельфии. Анонимный памфлет. На обложке подпись: «Англичанин».)

Теперь о методе, потому что в нём вся соль.

Образованные современники пишут для образованных. Латинские цитаты, ссылки на Локка и Монтескьё, аргументы по пунктам, как в суде. Пейн пишет для трактира. Короткие фразы, резкие образы, ни одного термина, который нужно объяснять.

И он бьёт не туда, куда ждут.

Колонисты привыкли считать короля отцом и защитником. Пейн в первой же части разбирает монархию как институт и называет монарха «королевской скотиной». Для читателя того времени эта фраза звучит почти как святотатство. И тут же идёт ход, который сегодня назвали бы запрещённым приёмом: Пейн приводит **Библию**. В Первой книге Самуила Израиль требует у Бога царя, и Бог ворчит, что народ отверг Его самого. Аргумент не из политики, а из Писания, и для набожных колоний он работает мощнее любого трактата. Король оказывается не помазанником, а наказанием.

Затем Пейн делает вторую вещь: убирает «если». До этого спор шёл о том, как договориться с короной. Пейн утверждает, что договариваться не о чем. «Пора расстаться», пишет он. А в финале разворачивает проект в космический масштаб: у американцев есть возможность начать мир заново.

Это уже не политическая брошюра. Это трейлер.

(Крупный план: типографский станок, лист за листом.)

Теперь цифры, и здесь честность важнее эффектности.

Историки сходятся в одном: тираж был беспрецедентным для колоний. Но точной цифры нет. Оценки расходятся от ста тысяч с лишним экземпляров за первый год до значительно больших чисел. Часть тиражей пиратская, часть напечатана за пределами Филадельфии, учёта никто не вёл. При населении колоний около двух с половиной миллионов человек даже нижняя оценка превращает памфлет в явление, сравнимое с современными суперхитами.

И читали его не глазами, а ушами. По традиционному рассказу, памфлет зачитывали вслух в тавернах, в лагерях, на площадях. Для общества, где значительная часть людей читала плохо, это был аудиоформат.

Реакция героев главной сцены разделилась. Джордж Вашингтон уже в конце января пишет знакомому, что «неопровержимые доводы» Пейна заставят многих решиться на разрыв. Вашингтон осторожен, и такое слово от него дорогого стоит.

А вот Джон Адамс недоволен. Он согласен с целью, но не терпит способ. Пейн предлагает слишком демократическое устройство, как казалось Адамсу, без противовесов, и Адамс в ответ пишет собственный текст, «Мысли о правлении» (1776), как контрпрограмму. Главный провокатор революции вызывает раздражение у тех, кто революцию строит. Продавцам никогда не доверяют, даже когда они продали всё.

Горькая деталь №1. Продавцу не заплатили. Пейн отказался брать авторские: прибыль он собирался направить на закупку варежек для солдат в канадском походе. С издателем Беллом начался скандал: тот требовал вычесть расходы, Пейн ушёл к другим печатникам и открыто объяснил публике причины. Самая читаемая книга эпохи принесла автору долги и репутацию склочника.

(Свет гаснет. Перемотка на тридцать три года вперёд.)

Томас Пейн умирает в Нью-Йорке в 1809 году, в нищете и почти в забвении. Он успел написать «Век разума», где критиковал церковь, и этим навсегда разозлил большинство прежних поклонников. По традиционным свидетельствам, на похоронах было считанное число людей.

Через десять лет английский публицист Уильям Коббет раскапывает могилу и увозит кости Пейна в Англию. Он хочет устроить автору достойное перезахоронение. Не получилось. После смерти Коббета следы останков теряются, и до сих пор неизвестно, где они.

Человек, который продал стране идею независимости, не оставил после себя ни денег, ни надгробия, ни точного адреса, где можно положить цветы.

Это не недосмотр, а закономерность. Хорошее шоу помнит героев, но забывает промоутеров. Те, кто покупает билеты, никогда не спрашивают, кто расклеил афиши.

(Свет меняется. Следующий кадр: Филадельфия, июнь, дом Грэфа. Афиша расклеена, зал распродан. Пора садиться за сценарий. Но кого посадить за стол?)

* * *

(Филадельфия, 11 июня 1776 года. Зал ещё не знает, что ему заказывают самый знаменитый текст в истории. Зал думает, что заказывает запасной вариант.)

Декларацию независимости написали на случай, если на голосование наберётся достаточно голосов.

Ли внёс резолюцию 7 июня. 10 июня Конгресс отложил голосование на три недели: часть делегаций ждала инструкций из своих штатов. Чтобы не терять время, сторонники независимости назначили комитет, пока остальные не созрели. 11 июня Конгресс назначил комитет из пяти человек: Джефферсон, Франклин, Адамс, Шерман и Ливингстон.

Главный документ нации заказан как резервный сценарий, на случай, если спектакль всё-таки разрешат ставить.

(Свет по очереди выхватывает пятерых. Афиша состава.)

•

Бенджамин Франклин, 70 лет.

Самый известный человек в колониях и самый старый в комитете. В июне 1776 года его, по ряду свидетельств, мучила подагра.

•

Роджер Шерман, 55 лет.

Бывший сапожник из Коннектикута. Единственный человек, подписавший все четыре основополагающих документа: Ассоциацию 1774 года, Декларацию, Статьи Конфедерации и Конституцию.

•

Джон Адамс, 40 лет.

Самый громкий оратор Конгресса и самый неудобный человек в зале, как он признавался сам.

•

Томас Джефферсон, 33 года.

Вирджинец. Говорит в Конгрессе мало, пишет много.

•

Роберт Ливингстон, 29 лет.

Самый молодой, из Нью-Йорка. Его отзовут домой до подписания, и Декларацию он не подпишет. Зато спустя четверть века, уже посланником во Франции, он будет вести переговоры о покупке Луизианы (глава 6).

Из пятерых авторов главного документа один его не подпишет. В любом приличном сериале этого персонажа убили бы в конце первого сезона. В истории он дожил до глубокой старости и благополучно сменил декорации.

(Звучит голос из мемуаров. Кадр дрожит: версия первая.)

Теперь главный вопрос: кто решил, что писать будет Джефферсон?

Единственные описания этого разговора оставили сами участники, и написали они их десятилетия спустя. Поэтому подаём их как **две версии одного события**.

Версия Адамса. По его автобиографии и письму 1822 года, комитет выбирали голосованием: больше всех голосов получил Джефферсон, следующим был сам Адамс. Джефферсон предложил Адамсу писать. Тот отказался и привёл три причины. Первая: вирджинец должен стоять во главе этого дела. Вторая: он сам непопулярен и вызывает подозрения, а Джефферсон нет. Третья: Джефферсон пишет в десять раз лучше. Джефферсон согласился («сделаю что смогу»).

В этой версии главный выбор в истории сделал Адамс, а Джефферсон выступает в роли согласившегося исполнителя.

Версия Джефферсона. В письме Мэдисону 1823 года он рассказывает иначе: комитет единогласно просил именно его взять перо. Он согласился, написал текст, а перед сдачей показал Франклину и Адамсу по отдельности и попросил поправок.

В этой версии никто никого не уговаривал: Джефферсона просто выбрали.

Метка: обе версии это **воспоминания** (письма двадцатилетней и пятидесятилетней давности, плюс автобиография). Протоколов обсуждения в комитете, по всей видимости, не сохранилось. В обоих рассказах главным распорядителем оказывается автор рассказа.

(Свет переключается. Кадр выравнивается. Разбираем кастинг по существу.)

Почему выбрали именно его: четыре причины, и только одна касается таланта.

Региональная квота. Виргиния, крупнейшая колония, должна была возглавить проект. Это политика, а не литература. Даже Адамс, чьё письмо рисует причины в таком порядке, ставит её на первое место.

Безопасность. Адамс нервировал половину зала. Джефферсон не нервировал никого. Хорошо подобранный автор манифеста это тот, кого не боятся читать вслух.

Репутация пера. В 1774 году Джефферсон написал «Краткий обзор прав Британской Америки». Брошюру напечатали без его ведома, и она разошлась по обе стороны океана. В 1775-м он писал черновик «Декларации о причинах и необходимости взяться за оружие», но Дикинсон счёл текст слишком резким и переписал его конец. Автор независимости уже был отредактирован один раз, в сторону мягкости.

Молчание. Адамс вспоминает, что за всё время совместной работы в Конгрессе не слышал, чтобы Джефферсон сказал больше пары фраз подряд. Человек, который не говорит в зале, но пишет безупречно. Для главного текста страны это идеальный профиль: автор не спорит с аудиторией.

Выбор автора национального документа определили квота, безопасность и уместная молчаливость. Талант пришёл четвёртым пунктом.

(Затемнение. Джефферсон за кулисами, и сюжет получает побочную линию.)

В те же недели Джефферсон мечтал не о Декларации, а о Вирджинии.

Весной 1776-го он писал, что хочет участвовать в решающем деле, которое творится не в Филадельфии, а в Вильямсбурге. Там собрался конвент, который готовил конституцию штата. Для Джефферсона это казалось важнее. Он даже набросал **три варианта конституции Вирджинии** и отправил их домой: в тех самых июньских днях, когда писал текст, ради которого мы его помним. До конвента его проект не дошёл вовремя, но его преамбула, перечень обвинений против короля, **была принята в конституцию штата**.

Получается, что в июне 1776-го Джефферсон написал обвинительное заключение против короля Георга III дважды. Один раз для Вирджинии, второй для всех тринадцати. Первое работало как репетиция второго.

(Мы в комнате. Второй этаж дома каменщика Якоба Графа, угол Седьмой и Маркет-стрит.)

Условия съёмки. Джефферсон снимает две комнаты у местного каменщика. Пишет он за портативным пюпитром, который сам придумал и заказал у краснодеревщика Бенджамина Рэндольфа. Этот пюпитр сохранился: на временной выставке Смитсоновского музея можно увидеть стол, за которым Джефферсон писал Декларацию.

Работа заняла около двух с половиной недель. 28 июня комитет вынес текст на стол Конгресса. Но между первым черновиком и этим днём лежал ещё один этап, о котором потом любили умалчивать.

(Крупный план. Лист бумаги. Чьи-то пальцы рисуют на нём тяжёлые косые линии.)

Редактура, или как «священное» стало «очевидным».

Джефферсон показал черновик по отдельности Адамсу и Франклину. Правок было немного, но одна из них важнее остальных. Вместо «мы считаем эти истины священными и

неоспоримыми» в тексте стоит «самоочевидными». Историк Карл Беккер отмечал, что почерк, которым вписано «self-evident», похож на почерк Франклина, но однозначной уверенности в авторстве у него нет. Сегодня говорят, что Франклин, возможно, внёс эту правку. Библиотека Конгресса, показывая черновик в новой экспозиции, называет автором замены Франклина.

Автор ли именно он, мы не знаем. Мы знаем другое: в одном слове заменили религиозный аргумент на рациональный. Если истина «священна», с ней можно спорить только как еретик. Если «самоочевидна», с ней может не согласиться разве что глупец. Адресат был тот же, но рычаг сменился.

Всего в тексте насчитывают 86 изменений. 47 внёс комитет, ещё 39 добавил Конгресс 2, 3 и утром 4 июля. То есть до публичных правок у комитета уже было больше сорока своих. Джефферсон, который позже жаловался на Конгресс, редко упоминал, что значительную часть его текста подправили свои.

(Затемнение. Вторая ремарка: Джефферсон возвращается к своему столу и видит, что пишет, как привык, чужими словами. Но откуда они?)

Автор назначен, текст написан, правки внесены. Остаётся вопрос, на который сам Джефферсон отвечал нервно и уклончиво даже через полвека: **откуда он взял слова, которые мы цитируем до сих пор?**

* * *

(Второй этаж дома Графа. Свеча, пюпитр, лист бумаги. Анатомический театр: на столе лежит самая знаменитая фраза Америки, и мы берём скальпель.)

Самая цитируемая фраза страны, если разобрать её на детали, почти целиком собрана из чужих.

Положим её на стол: «Все люди созданы равными, и Творец наделил их некоторыми неотъемлемыми правами, среди которых жизнь, свобода и стремление к счастью».

Это не лозунг, а механизм. Теперь посмотрим, откуда взята каждая шестерёнка.

Деталь №1. Локк, или «чья это собственность?»

В XVIII веке любой образованный человек в колониях знал формулу Джона Локка: **жизнь, свобода, собственность**. Она лежит в основе «Двух трактатов о правлении» (1689), и Джефферсон считал Локка одним из трёх величайших людей в истории (вместе с Бэконом и Ньютоном, письмо Трамбуллу, 1789).

Но в окончательном тексте «собственности» нет. На её месте появилось «стремление к счастью». Почему? Об этом спорят до сих пор, и мы представим варианты как **гипотезы**, а не факты:

- ритм (три коротких существительных звучат лучше, чем юридический перечень);
- желание дать права, не привязанные к имуществу;
- неловкость вокруг того, что в Вирджинии «собственностью» называли и людей.

Метка: ни одна из этих версий не подтверждена документом. Прямого объяснения самого Джефферсона нет.

Деталь №2. Мейсон, или «кто напечатал первым»

А теперь главный сюрприз. Фразу про «стремление к счастью» мы привыкли считать джефферсоновской. Но за несколько недель до его текста похожая формула уже была напечатана в газетах.

Джордж Мейсон, вирджинский плантатор, писал для своей колонии Декларацию прав. Его проект опубликовала «Вирджиния газетт» 1 июня, а в Филадельфии он появился уже 6 июня в «Пенсильвания ивнинг пост», затем 8 июня в «Пенсильвания леджер» и 12 июня в «Пенсильвания газетт». Филадельфийские издания принесли текст прямо в город, где в тот момент сидел Джефферсон. Что именно прочёл Джефферсон и когда, документально не доказано, но историки сходятся: Вирджинская декларация прав была одним из главных источников преамбулы Декларации независимости.

Вот как менялась формула:

•

Равенство.

Мейсон: все люди по природе равно свободны и независимы. Черновик Джефферсона: все люди созданы равными и независимыми. Итоговая Декларация: все люди созданы равными.

•

Права.

Мейсон: «некоторые неотъемлемые права». Джефферсон: права «неотъемлемые». Итог: «некоторые неотъемлемые права».

•

Перечень.

Мейсон: жизнь и свобода, средства приобретения и владения собственностью, стремление к счастью и безопасности. Джефферсон и итог: жизнь, свобода и стремление к счастью.

Сравните начало и конец. В начале длинный юридический период с четырьмя пунктами. В конце три существительных.

Гений Джефферсона здесь не в изобретении, а в монтаже. Он убрал юридические подпорки (собственность, безопасность, «получение»), оставил три слова и сделал из них ритм. Мейсон написал формулу для суда. Джефферсон превратил её в слоган.

Метка: это не плагиат, а то, что в кино называют *cut*. Но называть такую фразу «изобретённой» тоже нельзя.

Деталь №3. Оговорка, которой нет

Теперь о том, чего у Джефферсона нет вообще.

Когда Вирджинский конвент принимал декларацию Мейсона, в зале заметили проблему. Фраза «все люди по природе свободны» в рабовладельческом штате могла прозвучать как требование отмены рабства. Поэтому, по рассказам, Эдмунд Пендлтон предложил вставить слова «когда они вступают в общество», что позволило рабовладельцам поддержать декларацию, не считая, что она относится к рабам: те не входили в гражданское общество. Историки из мемориального центра Мейсона описывают то же: конвент добавил оговорку, и она закрыла от действия формулы тех, кого считали собственностью, а также индейцев и других людей.

Вирджиния решила проблему оговоркой. Джефферсон же оговорку не взял. Зато в его первом черновике был абзац, обвинявший короля в навязывании рабства. Конгресс его вычеркнул, и об этом мы расскажем чуть дальше.

Получается, что два документа приняли два разных способа обращения с одной и той же проблемой. Сначала вставили оговорку, потом вычеркнули абзац. Оба раза строчку про рабство убрали, чтобы остальное звучало чисто.

Кто такой Мейсон

(Крупный план. Человек, которого мы почти не знаем.)

Джордж Мейсон, плантатор из Гантстон-холла, владел порабощёнными людьми и при этом писал, что все люди по природе свободны. Эти два факта у него жили вместе.

Через одиннадцать лет, в Филадельфии, на Конституционном конвенте, он отказался подписывать Конституцию, главным образом потому, что в ней не было декларации прав. Автор прототипа Билля о правах не подписал Конституцию без Билля о правах. К этой истории мы вернёмся в главе 4.

Признание Джефферсона

(Монтичелло, 1825 год. Старик пишет письмо и объясняется.)

Спустя полвека кто-то снова упрекнул Джефферсона в заимствованиях. Он ответил в письме Генри Ли от 8 мая 1825 года. По смыслу: он не искал новых принципов и не копировал один источник, а хотел выразить общее настроение американцев. Среди «учебников общественного права» он назвал Аристотеля, Цицерона, Локка, Сидни.

Оценим формулировку. Не «я придумал», а «я записал то, что все чувствовали». Это самая точная в истории самореклама скромности.

Но и она не вся правда: исследователи Полин Майер и Даниэль Аллен показали связь между второй частью Декларации и первой статьёй вирджинского текста. Так что список «Аристотель, Цицерон, Локк» был выбран с изяществом. Газетная колонка 1776 года в нём не названа.

Метка: в историографии идёт спор. Одни (например, Гарри Уиллс) подчёркивают роль шотландского Просвещения, другие настаивают на Локке и вирджинских текстах. В книге мы показываем спор, а не выбираем сторону.

(Свет гаснет. Лист на столе по-прежнему лежит чистым только на вид.)

Главная фраза Америки не изобретена, а смонтирована. Из длинного вирджинского периода вынули три слова, из Локка взяли идею, а из своей эпохи ритм. Для 1776 года это идеальный продукт: звучит как открытие, узнаётся как знакомое.

Хорошее шоу почти никогда не изобретает материал. Оно умеет так его сократить, что зритель принимает монтаж за откровение.

Но для кого вообще писался текст? Ответ может удивить: не для американцев.

* * *

(Зал Конгресса. Свет падает на первые ряды, но там сидят не американцы. Они в тени, на галёрке. Пока.)

Декларацию независимости пишут не для колоний. Её пишут для королей, которым нужно показать, что на этот проект стоит делать ставку.

Начнём с афиши, которую обычно не показывают. Когда Ричард Генри Ли 7 июня вносил свою резолюцию, в ней было **три пункта**, а не один: объявить независимость, принять меры по заключению иностранных союзов и подготовить план конфедерации.

Второй пункт стоит между независимостью и внутренним устройством. Из трёх задач две касаются отношений между государствами, и одна из них прямо называет иностранные союзы. Декларация независимости это пункт первый в пакете, где пункт второй звучит как «найдите, кто нас поддержит».

(Крупный план. Корабль в Атлантике.)

Дипломат уже плывёт. Сайлас Дин отправился во Францию весной 1776 года, до принятия Декларации, и добрался до Парижа примерно в начале июля. Пока Джефферсон сидел над черновиком, человек, которому предстояло с этим текстом работать, уже ехал к клиенту.

Франция помогала втайне ещё раньше. Через подставную компанию французское правительство закупало военные припасы. Обычно называют фирму Бомарше «Родриго Ортален и компания».

Получается любопытная схема. Стартап ещё не заявил о себе миру, а первые инвесторы уже вложились, причём анонимно. Декларация нужна, чтобы вложения стали законными и публичными.

Первая строка

(Свет сужается до первых слов документа.)

Откройте Декларацию и прочтите, чем она начинается. Не «мы, народ» и не «все люди созданы равными». Первая фраза о том, что уважение к мнению человечества требует объяснить причины разрыва.

В оригинале это *a decent respect to the opinions of mankind*. Не к американцам. К **человечеству**. А в конце главного перечня стоит просьба: пусть факты будут представлены «беспристрастному миру» (*candid world*).

Перечитайте документ глазами человека, который не живёт в Филадельфии. Это не гимн. Это записка, обращённая к стороннему арбитру: вот что нам сделали, судите сами.

Историки спорят о пропорциях, но не о самой логике. Дэвид Армитидж в книге «Декларация независимости: глобальная история» рассматривает текст как акт внешней политики, обращённый к общественному мнению великих держав. Он же объясняет, почему язык естественных прав не нашёл отклика в Британии. Другие авторы идут дальше: Спирос Кацулас, например, считает, что настоящим адресатом были европейские великие державы, а не сами американцы. Сам Армитидж говорит о «концентрических аудиториях», а не об одной.

Вскрытие списка обвинений

(Крупный план. Лист с пронумерованными строками.)

Теперь займёмся главным блоком, который сегодня почти никто не читает: перечень обвинений.

В итоговом тексте их принято насчитывать **27**. В черновике Джефферсона было больше: 28-е обвинение против Георга III вырезали из финальной версии. Вы уже знаете, о чём оно: речь о работорговле.

Структура перечня напоминает **обвинительное заключение**. Каждый пункт начинается одинаково: «Он сделал то-то». Не парламент, не министры, не армия, а лично король.

Метка: это распространённая трактовка историков, не прямое заявление авторов. Логика такая. Колонисты давно отрицали право Парламента управлять ими, а королевская власть оставалась единственной связью с Британией. Значит, чтобы разорвать связь, нужен обвиняемый, и роль достаётся королю. Аудитории нужно не «политика нам не нравится», а «вот тиран».

Один пункт в списке адресован даже не королю, а соседям короля. Это обвинение в том, что он **привёз армии иностранных наёмников**, чтобы довершить дело. Речь о гессенцах, и для европейского читателя здесь сигнал: Георг привлекает чужие войска. Вы могли бы привлечь тоже, только с другой стороны.

Продать республику монархам

(Свет меняется. На сцену выходит режиссёр-постановщик из Версаля.)

Теперь самая ироничная часть. Кого именно убеждали американцы? По одной из версий, Конгресс писал Декларацию, чтобы сообщить Людовику XVI и Карлу III: Америка теперь суверенное государство и способна вступать в союзы.

Вдумайтесь в состав этой аудитории. **Абсолютные монархи. Два короля Бурбонов.** Документ, который обещает народам права на жизнь, свободу и стремление к счастью, адресован людям, которые считают себя помазанниками Божьими.

Почему они вообще слушали? Причины у них были свои. Министр иностранных дел Франции Верженн был уверен, что победа Америки выгодна Франции: если выиграет Британия, она получит возможность угрожать французским сахарным колониям в Карибском бассейне. Вдобавок за плечами у Франции было поражение 1763 года, о котором мы скажем в главе 5.

Идеалы тут были не при чём. Франция покупала ослабление соперника.

Франция входит в зал

(Хронометраж. Затемнение. Надписи на чёрном.)

•

Конец 1776 года.

В Париж приезжает Франклин и присоединяется к Дину и Артуру Ли. Бенджамин Франклин, самый знаменитый американец, едет не искать вдохновения, а продавать проект.

•

4 декабря 1777 года.

В Париж приходит весть о победе при Саратоге. До этого момента у Парижа были сомнения: сможет ли этот проект вообще удержаться?

•

6 февраля 1778 года.

Готовы к подписанию договор о дружбе и торговле, военный союз и секретный акт. Подписывают сначала Жерар от Франции, затем Франклин, Дин и Ли. Франция становится первой страной, официально признавшей независимость, и в источниках это звучит почти буднично: подписи слева направо.

Между 4 июля 1776-го и 6 февраля 1778-го проходит **19 месяцев**. Этот срок можно назвать временем, пока Декларация не имела практического веса. Она заработала, когда подтвердилась военным успехом.

Хорошая ремарка для читателя: Декларацию сочиняли за неделю, а покупателя искали полтора года.

Цена контракта

(Свет гаснет, остаётся один ряд. В нём сидят французские министры и подсчитывают расходы.)

Один из договоров был военным союзом. По нему ни одна сторона не вправе заключать перемирие или мир без согласия другой. Для Америки это означало: нельзя выйти из игры в одиночку.

А для Франции у сделки был побочный эффект. Война обошлась казне в огромные суммы, и многие историки связывают финансовый кризис королевства с поиском новых налогов и созывом Генеральных штатов в 1789 году. *Метка:* это **трактовка**, а не простая причинно-следственная цепочка. Но она даёт сильный сюжетный поворот. Первый спонсор американского шоу разорился на нём, и следующий спектакль в этом жанре случился уже у него дома.

(Свет возвращается. Мы снова смотрим на текст, но уже другими глазами.)

Если прочитать Декларацию как документ для внутреннего пользования, она выглядит гимном. Если как документ для внешнего рынка, это презентация для инвесторов. В ней есть проблема (тиран), решение (независимость), гарантии (естественные права), доказательства (27 пунктов) и просьба о поддержке.

Мы не утверждаем, что американские отцы были циничны. Мы утверждаем другое: они знали, что хорошему проекту нужно найти аудиторию, и написали текст так, чтобы он работал и на зал, и на ложу.

Но чтобы пройти проверку внешних зрителей, текст пришлось чистить. И здесь Конгресс взялся за ножницы. Что вырезали, как это воспринял автор и кто в этом виноват, расскажем дальше.

* * *

(Филадельфия, 2-4 июля 1776 года. Независимость уже проголосована. Теперь Конгресс превращается в редактора, и автор сидит в зале.)

Самые честные строки Декларации вырезали не враги. Их вырезали союзники, и все остались довольны.

Вспомним, где мы остановились. Текст лежал на столе с пятницы 28 июня, а в понедельник его передали на рассмотрение комитету всего Конгресса. Теперь делегаты обсуждают его построчно, не как святыню, а как рабочий черновик. По подсчётам Библиотеки Конгресса, в тексте сделано 86 правок: 47 внёс комитет, ещё 39 добавил Конгресс 2, 3 июля и утром 4-го. По объёму ножницы Конгресса сработали ощутимее, чем число правок: по распространённой оценке, ушла примерно четверть текста Джефферсона.

Метка: подробностей самих дебатов почти нет. Исторические записи не содержат деталей споров во Втором Континентальном конгрессе. Мы знаем итог и пересказ Джефферсона, не стенограмму.

(Крупный план. Человек за столом. Лицо не показываем: достаточно рук.)

Автор молчит. Адвокатом выступает Адамс.

Для Джефферсона это пытка. По описанию историка Библиотеки Конгресса, он воспринял правки без радости, а Адамс защищал его текст, пока Джефферсон стоял в стороне и вписывал одобренные изменения в свой черновик.

Мы возвращаемся к той самой связке, которую мы видели при выборе автора. Адамс говорит, Джефферсон молчит. Один раз он молчал, получая заказ, теперь молчит, теряя абзацы. Автор главного текста страны работает как человек, который не вмешивается в собственный монтаж.

Притча о шляпнике

(Звук. Рядом садится старик.)

Франклину семьдесят. К этому моменту он усвоил правило: не быть автором текста, который будут править публично. Он сам формулировал его так: по возможности избегать роли составителя бумаг, рассматриваемых общественным органом. Но утешить молодого коллегу умеет.

Он рассказывает историю. Шляпник по имени Джон Томпсон решил заказать вывеску: «Джон Томпсон, шляпник, делает и продаёт шляпы за наличные». Он показывает набросок друзьям. Первый говорит: слово «шляпник» лишнее, ведь дальше сказано, что он делает шляпы. Второй: «делает» не нужно, покупателю безразлично, кто сшил. Третий: «за наличные» вообще смешно, никто не ждёт, что шляпы будут раздавать в долг. Четвёртый: «продаёт шляпы»? Разве кто-то станет их дарить? В итоге на вывеске остаётся имя Томпсона и рисунок шляпы.

Метка: это известный сюжет, и его принято относить к рассказу самого Джефферсона. Считается, что он записал его в письме Томасу Джефферсону Смиту в феврале 1825 года. Источник не современник событий, а пересказ полувековой давности.

Мораль притчи не про шляпы. Любой текст, который читает публика, обречён на правки. Единственная вывеска, которую никто не станет улучшать, та, где ничего не написано.

Что вырезали

(Свет меняется. На стол выкладывают три предмета.)

Предмет первый: упрёк британскому народу.

Джефферсон хотел, чтобы Декларация обращалась не только к королю, но и к англичанам: мы звали вас братьями, вы не услышали. Конгресс этот фрагмент резко сократил. В автобиографии Джефферсон объясняет это тем, что многие делегаты всё ещё питали надежду на друзей в Англии и опасались их обидеть. Он называет это «малодушной идеей».

Запомним деталь: аудитория текста была внешней, и обижать потенциальных союзников было нельзя.

Предмет второй: абзац о рабстве.

В черновике это был один из самых длинных пунктов обвинения. Король, говорилось там, вёл жестокую войну против самой человеческой природы, нарушая священные права на жизнь и свободу людей далёкого народа, который его никогда не обижал, и захватывая их, чтобы увезти в рабство в другом полушарии или обречь на мучительную смерть в пути.

Это не риторика ради риторики. Джефферсон обвиняет короля в работорговле, а значит, называет рабство преступлением. В тексте, где несколькими строками выше сказано, что все люди созданы равными, такой абзац превращал лозунг в обязательство.

Конгресс его убрал. В автобиографии Джефферсон объясняет это так: пункт был вычеркнут из уважения к Южной Каролине и Грузии, которые никогда не пытались ограничивать ввоз рабов и по-прежнему хотели его продолжать. И добавляет, что северяне, как он считает, тоже были смущены: хотя в их краях рабов мало, они были весьма значительными перевозчиками рабов для других.

Метка: это **воспоминание** (автобиография 1821 года), написанное спустя 45 лет. Автор в нём выбирает, на кого переложить вину. Подробностей голосований и споров по этому абзацу в документах нет.

Горькая деталь №1. Обвинение выдвигалось против короля, но рабство в колониях насаждал не король, а колонисты. Часть историков отмечает, что Вирджиния пыталась ограничить ввоз рабов пошлинами, а Корона такие законы блокировала. Но даже в этом случае абзац оставался удобным: он переносил ответственность за институт, в котором сам автор состоял.

Предмет третий: небесные ремарки.

По распространённой версии, Конгресс не только вычёркивал, но и добавлял. В финал вошли обращение к «Верховному Судье мира» и упоминание «божественного Провидения». Если это так, то религиозных отсылок в итоговом тексте стало больше, чем в черновике Джефферсона, у которого они были сдержаннее.

Получается занятный порядок: правдивый для своего времени абзац убрали, а небесных свидетелей добавили.

Горькая деталь №2

(Затемнение. Свет на одной строке итогового текста.)

После правок формула «все люди созданы равными» остаётся в тексте одна, без абзаца, который проверял её на деле. Как и прежде, рядом с ней стоят слова об индейцах-«дикарях» (об этом ниже), но с рабством теперь нет вообще ничего.

Через одиннадцать лет, в Конституции, слово «раб» тоже не появится: только эвфемизмы (глава 3). Мы вернёмся к этому в акте «Антракт». Здесь достаточно заметить, что Конституция довела до конца то, что в 1776-м было сделано редакторской правкой.

Автор не смирился

(Монтичелло, 1821 год. Старик решает показать зрителям монтажную склейку.)

Через сорок пять лет Джефферсон, составляя автобиографию, **вставляет в неё оба текста**: тот, что представил комитет, и тот, что принял Конгресс. Вычеркнутое он подчёркивает. Он даже объясняет почему: люди раскрываются не только тем, что принимают, но и тем, что отвергают.

Это сильный ход, потому что он делает правку частью текста. Автор не просто жалуется на цензуру, он выкладывает вырезанные сцены.

Не забудем и письмо, в котором он ещё в июле 1776-го отправил Ричарду Генри Ли две версии рядом: исходную и правленую. Пусть Ли судит сам, стал ли текст лучше или хуже после критиков.

(Свет гаснет.)

Документ, сделавший Америку Америкой, редактировали **не цензоры, а соратники**. Каждый из них вычёркивал по понятной причине: у одного юг, у другого север, у третьего союзники. Каждая правка по отдельности разумна. В сумме получился текст, который звучит чище, чем жизнь.

В этом и есть режиссёрская работа: разумные сокращения превращают честную, но неудобную сцену в идеальный сюжет. Зритель аплодирует финальной версии, не зная, какие кадры остались на полу.

Но, чтобы понять масштаб правок, нужно увидеть следующее: **голосование**. Кто, кроме двенадцати колоний, решил исход? И почему «подписи отцов» появились не там и не тогда, где их рисует картина?

* * *

(Филадельфия, 1-2 июля 1776 года. В зале считают голоса. Но главный предмет здесь не голоса, а единогласие. Его достают из кармана, как реквизит.)

Независимость можно было принять большинством. Единогласие пришлось собирать вручную.

Начнём с арифметики, которую обычно опускают. Конгресс голосует не по головам, а **по колониям**: у каждой один голос. Для принятия резолюции Ли хватало семи из тринадцати. А на предварительном голосовании 1 июля «за» было уже девять (мы говорили об этом выше).

Значит, большинство у сторонников независимости было заранее. Но им нужно было другое: чтобы никто не сказал, что страна рождена расколом. По описанию одного из исторических обзоров, формально поддержки хватало, однако Конгресс не хотел объявлять независимость без единодушия.

Последующие сутки были посвящены не победе, а **косметике**: довести счёт до «тринадцать к нулю» и без единой видимой царапины.

Три операции за одну ночь

(Свет по очереди выхватывает три стола.)

Стол первый: Пенсильвания. Два её главных противника независимости, Дикинсон и Моррис, просто не пришли (мы говорили об этом выше). Делегация проголосовала «за» перевесом три к двум.

Стол второй: Южная Каролина. Она проголосовала «против» 1 июля, а на следующий день изменила решение, чтобы не нарушать единства (мы говорили об этом выше).

Стол третий: Делавэр. Здесь и пригодился всадник.

Всадник

(Крупный план. Дорога, вода, фонарь. Ремарка для читателя: дальше нужно отличать документ от легенды, поэтому ведём учёт.)

Делавэр представляли трое. Один из них, Томас Маккин, поддерживал разрыв с Британией, второй, Джордж Рид, был против. Третий, Цезарь Родни, находился дома: он помогал пресекать лоялистские выступления в округе Сассекс. При равенстве голосов в делегации штат голосовать не мог.

Вечером 1 июля Маккин отправляет Родни срочное сообщение о тупике. Родни, которому за сорок, болен: рак, который через восемь лет сведёт его в могилу, уже сидит в лице.

Дальше начинается то, что принято называть «полуночной скачкой». Давайте разложим её по трём ячейкам.

Документ. Письмо Родни брату Томасу от 4 июля 1776 года. Он пишет, что прибыл в Конгресс, несмотря на задержку из-за грома и дождя, вовремя, чтобы отдать свой голос по вопросу независимости. Фраза скромная, без «скачки», без «лошади», без «спасения нации». Любопытно и другое: это единственное письмо делегата Конгресса за тот день, дошедшее до нас.

Воспоминание. Маккин позднее вспоминал, что встретил Родни у дверей Стейт-хауса, в сапогах со шпорами, когда члены Конгресса собирались. Это уже рассказ спустя годы (письмо Маккина сыну Родни, написанное спустя десятилетия).

Легенда. Всё остальное: 18 часов в пути, скачка без остановки, бросок через бурю на коне. Даже расстояние называют по-разному: чуть больше 70 миль у одних и 80 миль у других.

(Ремарка: ироничный кадр.)

Горькая деталь №1. Если верить пересказам письма, значительную часть пути Родни проделал в карете. А в 1999 году его изобразили на монете штата Делавэр верхом на коне. Государственная монета и личное письмо расходятся в том, на чём он ехал.

Горькая деталь №2. Главное: Родни не спасал независимость. Голосов за неё и так хватало. Он спасал **единогласие**. Для шоу это не мелочь: слово «единогласно» продаётся лучше, чем «большинством».

Нью-Йорк, который промолчал

(Свет на пустом стуле.)

Самый неудобный участник тот, о ком в праздничных рассказах не говорят. Нью-Йорк воздержался 2 июля и ещё раз 4 июля, когда голосовали за текст Декларации. Делегаты не выступали против, они просто не имели полномочий. Провинциальный конгресс штата одобрил Декларацию только 9 июля. До Филадельфии это решение дошло позже: по другому источнику, инструкции в пользу независимости делегаты получили 15 июля.

Из этого следует неудобный факт: 4 июля, когда страна «родилась», один штат из тринадцати ещё не сказал своего слова.

Что же сделали с этой дыркой? Посмотрим на заголовки. Лист Данлэпа от 4 июля озаглавлен просто «Декларация представителей Соединённых Штатов Америки, собравшихся на общем Конгрессе». А 19 июля Конгресс распорядился переписать текст на пергамент под новым названием: **«Единогласная декларация тринадцати соединённых штатов Америки»**.

Слово «единогласная» появилось задним числом. После того как Нью-Йорк проголосовал, шоу получило недостающую декорацию, и афишу перепечатали.

Чего мы не знаем

(Крупный план. Страница журнала Конгресса.)

Есть ещё один подвох, который стоит выложить на стол. Журнал Конгресса фиксирует голоса **по колониям**, а не по людям. Поэтому, кто и как проголосовал внутри делегации, историки восстанавливают по письмам, воспоминаниям и косвенным данным.

Отсюда прямое следствие для всех красивых портретов. Фраза «Он проголосовал и спас страну» почти всегда построена на мемуарах, а не на протоколе. Пока читатель этого не знает, он аплодирует героям. Когда узнаёт, аплодирует работе авторов легенды.

(Свет гаснет. Остаётся один лист: «единогласно».)

Первое правило хорошего шоу мы знаем: афишу печатает не тот, кто играет. Второе правило сегодня: слово «единогласно» продаётся лучше, чем «большинством», и его можно достроить задним числом.

Для рождения страны это важнее, чем кажется. Государство, возникшее по счёту «девять, один, два и одна пустая рука», не слишком красиво выглядит. Государство, которое родилось по счёту «тринадцать ноль», уже выглядит неизбежным. Первое было фактом, второе стало продуктом.

Но голосование остаётся закрытым. Страна пока не знает, что она страна. Теперь нужно прочитать это вслух. Дальше: площадь, статуя и колокол.

* * *

(Филадельфия и Нью-Йорк, 6-9 июля 1776 года. Текст принят, голоса сосчитаны, но страна об этом пока знает по слухам. Чтобы документ стал страной, его должны прочитать вслух, и при этом желательно что-нибудь сломать.)

Документ становится государством в тот момент, когда его показывают толпе. Желательно с костром.

Афиша на немецком

Начнём с первого печатного сообщения. Оно появилось, как отмечает филадельфийский историк, на немецком языке, раньше, чем на английском. Здесь нет парадокса: в Филадельфии жила большая немецкая община, и немецкая газета была быстрее.

Затем печатники Мельхиор Штайнер и Чарльз Сист выпустили листовку утром 6 июля и обогнали даже «Пенсильвания пэкет» самого Данлэпа. Мы помним, что Данлэп был официальным печатником Конгресса, и его листовка уже была в нашей афише. Теперь получается, что официального печатника обошли конкуренты.

Первая премьера Декларации прошла на двух языках и в двух типографиях, и никто из авторов в ней не участвовал.

Полдень на сцене для наблюдения за Венерой

(Крупный план. Двор Стейт-хауса, 8 июля. Жарко, светит солнце.)

Теперь о первом публичном чтении. Оно прошло 8 июля около полудня, в дворе Стейт-хауса, на помосте, построенном в 1769 году для наблюдения за прохождением Венеры по диску Солнца. Режиссёры случайности постарались: для первого публичного чтения Декларации нашлась сцена, возведённая ради астрономии.

На помост поднялся шериф Уильям Дьюис, а за ним его помощник, полковник Джон Никсон. По описанию, он объявил, что действует по поручению Континентального конгресса и Комитета безопасности, и прочёл документ.

Два уточнения, которые разрушают открытку.

Первое. Публика была не слишком возвышенной: один наблюдатель отметил, что респектабельных людей среди собравшихся было мало. Нам хватит факта: на премьеру пришли обычные горожане, а не картинные отцы.

Второе. Новости для них не было. Большинству собравшихся текст был уже знаком: газеты опубликовали его двумя днями раньше и ещё раз тем же утром. Значит, чтение было не раскрытием, а **обрядом**. Тексты читают вслух не потому, что их не видели, а потому, что публика должна разделить событие.

Добавим деталь для дотошного читателя. Никсон читал не тот пергамент, который сегодня хранится в Национальном архиве. Пергаментного экземпляра ещё не существовало: подписи на нём появятся 2 августа (об этом ниже).

Колокол, которого не было

(Звук. Это место, где мы выясняем, кто и когда придумал самый известный звук Америки.)

Теперь о колоколе. Каждый американский школьник знает, что 4 июля 1776 года Колокол Свободы звонил, объявляя независимость. Давайте разложим это по ячейкам.

Легенда. Старик-звонарь ждёт на колокольне вестей из зала, мальчик подаёт знак, колокол гремит. Этот сюжет придуман: в 1847 году Джордж Липпард написал в журнале «Сатердей курьер» вымышленный рассказ о пожилом звонаре, ожидающем в башне известия о независимости. Рассказ был художественным, но в массовой памяти превратился в «исторический факт».

Предание. По традиции, колокол звонил 8 июля, призывая горожан на первое публичное чтение. Одно из справочных изданий уточняет: до 8 июля, пока Декларация не вернулась от печатника, колокол не звонил. Прямых современных свидетельств звона 4 июля нет, но и звон 8 июля держится на традиции.

Документ. Название. Колокол называли просто «колоколом Стейт-хауса», а «Колоколом Свободы» его назвали аболиционисты. Это название впервые появилось в 1839 году в стихотворении из аболиционистского памфлета.

Горькая деталь №1. Главный звук американской свободы получил своё имя через 63 года после события, и дали его люди, добивавшиеся отмены рабства. Символ достался стране не от отцов-основателей, а от тех, кто напоминал стране о невыполненном обещании.

Костёр для короля

(Свет меняется. Вечер того же дня.)

В тот же вечер зрелище продолжилось. Королевский герб сначала сняли со здания суда, затем со Стейт-хауса, вынесли на общественный луг, положили на кучу бочек и сожгли под одобрительные крики толпы. Газеты сообщали, что герб сжигали «среди рукоплесканий зрителей».

Заметьте последовательность. Сначала слова, потом колокол, потом огонь. Любое новое государство нуждается в тексте и в жертве. Для текста нашёлся Никсон. Для жертвы нашёлся королевский герб.

Нью-Йорк, 9 июля

(Крупный план. Манхэттен, шесть вечера. Площадь, солдаты стоят по стойке «смирно».)

На следующий день декорации перемещаются в Нью-Йорк. Вашингтон приказал зачитать Декларацию войскам, стоящим в городе, 9 июля. Чтение прошло на городском лугу, на месте нынешнего парка у ратуши.

Потом случилось то, ради чего этот эпизод вошёл в учебники. Разгорячённые патриоты хлынули по Бродвею к Боулинг-Грин, срезали королевские короны с ограды, сбросили статую с пьедестала и отрубили свинцовому королю голову. Статуя Георга III изображала его в духе римского императора Марка Аврелия. По фольклорной версии, статую разрубили и отправили в Коннектикут под присмотром Оливера Волкотта, чтобы переплавить в 42 088 пуль.

(Ремарка: время считать.)

Теперь пора проверить арифметику. Статуя была не просто статуей, а массивным позолоченным свинцовым монументом, и её вес оценивают примерно в 4000 фунтов. Пули же считали из расчёта двадцать штук на фунт. Двадцать пуль на фунт дают для 42 088 пуль около двух тысяч фунтов, примерно половину веса статуи.

Где остальное? Одни говорят, что часть металла потерялась в дороге, другие допускают неточность оценки веса. Прямого ответа у нас нет. Пока это остаётся загадкой, а не сенсацией.

А вот что можно сказать твёрдо. Нью-Йоркское историческое общество хранит шесть фрагментов статуи, включая хвост. Король проиграл войну, но от него остался постамент и хвост лошади.

Горькая деталь №2. Лозунг про «расплавленное Величество» появился не потом, а сразу. Нью-Йоркский почтмейстер Эбенезер Говард написал генералу Гейтсу, что войска короля «получат расплавленное Величество» в свой адрес. Пропаганда у шоу работала в реальном времени, и документ это доказывает.

Режиссёр недоволен

(Затемнение. Утро 10 июля.)

Последний штрих, о котором в праздничных рассказах не вспоминают. На следующий день Вашингтон издал приказ, в котором осудил снос статуи. По смыслу: он не сомневается, что люди действовали из усердия, но дело слишком похоже на беспорядок и нарушение дисциплины в армии, и впредь такие вещи должны решаться по распоряжению властей, а не солдат.

Получается любопытная сцена. Генерал приказывает прочитать текст, толпа реагирует так, как рассчитывали авторы, а режиссёр на следующий день объявляет, что реакция вышла за рамки сценария. Спектакль устроили и одобрили, но не управляли им. Именно так работает любая революция: зрители охотнее ломают, чем слушают.

(Свет гаснет. На экране три кадра подряд: голос, колокол, огонь.)

За четыре дня Декларация сменила форму трижды. Сначала она была текстом на бумаге, потом голосом на помосте, потом огнём и падающим металлом. Страна возникла не в момент голосования, а в момент **исполнения**: когда зрители перестали просто слушать и начали действовать.

Для книги это первый настоящий вывод. Америка с первых дней строилась как постановка с публикой. Закон давал текст, а зрелище собирало зрителей.

Но у текста, который читали с помоста, остаётся строка, которую в праздники обычно пропускают. Она стоит в конце перечня обвинений, рядом с «беспощадными индейскими дикарями», и об этом мы расскажем дальше.

* * *

(Филадельфия, 8 июля. Никсон дочитывает перечень обвинений. Толпа слушает. Остался один пункт, и его в праздники обычно пропускают.)

Самый длинный список обвинений заканчивается самым неудобным.

Мы дошли до конца перечня. Здесь двадцать седьмое, последнее обвинение. В переводе оно звучит так: «Он разжигал среди нас внутренние восстания и пытался натравить на жителей наших границ беспощадных индейских дикарей, чей известный способ войны — неразличающее уничтожение всех возрастов, полов и состояний».

Расположение не случайно. Это не середина списка, где пункт можно пропустить. По одной трактовке, последнее обвинение было для авторов самым важным. Это мнение, а не установленный факт. Но для нас важнее другое: в одном предложении здесь сразу два «исключённых».

«Внутренние восстания»: о ком идёт речь

(Крупный план. Листовка, 7 ноября 1775 года.)

Что такое «внутренние восстания»? Современному читателю фраза кажется абстрактной. Для читателя 1776 года всё было понятно.

В ноябре 1775 года королевский губернатор Вирджинии лорд Данмор объявил, что освободит рабов, принадлежащих мятежникам, если они возьмут оружие против американских революционеров. Историки сходятся: под «внутренними восстаниями» в Декларации подразумевается в первую очередь эта прокламация. Библиотека Вирджинии, хранящая оригинал листовки, пишет прямо: Декларация ссылается на неё, а слова о праве на жизнь, свободу и стремление к счастью к рабам Вирджинии не относились.

Масштаб проблемы нужно понимать правильно. Население колоний, по оценке, включало около полумиллиона порабощённых людей. Для рабовладельческой элиты это был вопрос не абстрактный, а вопрос собственности и страха.

Теперь сложим два факта.

Ранее Конгресс вычеркнул из черновика абзац, где король обвинялся в том, что **навязал** колониям рабство. А этот пункт, оставленный в итоговом тексте, обвиняет того же короля в том, что он **предложил рабам свободу**. В первом случае рабство называют преступлением, во втором освобождение называют преступлением.

И это не придумка потомков. В вычеркнутом абзаце Джефферсона финальная фраза уже содержала тот же ход: король, говорилось там, подстрекает тех самых людей восстать против колонистов. Конгресс убрал первую часть абзаца, но вторую оставил в сокращённой форме.

(Звук. Из Лондона.)

Лондонский критик заметил сразу. В 1776 году английский публицист Джон Линд издал памфлет, где разбирал Декларацию построчно. Он, высмеивая патриотов, спрашивал, вправе ли они жаловаться на предложение свободы этим несчастным. Вопрос был задан в том же году, и ответа на него в тексте Декларации нет.

«Беспощадные дикари»: вторая половина фразы

(Свет смещается к границе, к лесу, к карте.)

Вторая часть предложения адресована жителям «наших границ». Слово «дикари» сегодня режет слух, но в 1776 году было ходовым. Важнее, откуда в тексте взялась эта злость.

Среди претензий к Британии в том же перечне есть жалоба на новые ограничения освоения земель. Историки связывают её с Королевской прокламацией 1763 года и договором 1768 года: они устанавливали пределы расширению колонистов на запад. Один из исследователей отмечает, что у Джефферсона и других подписантов были собственные причины ненавидеть британскую политику в отношении индейцев и их земель.

Получается занятная конструкция. Британия обвиняется в том, что сдерживала экспансию, и она же обвиняется в натравливании на колонистов тех, чью землю экспансия забирает. Две части обвинения работают как один сюжет: враги автора документа названы разом, чтобы читатель не задавал вопросов о том, чья земля.

Цифры, которые не поместились в афишу

(Затемнение. Свет на цифре.)

Теперь о человеке, написавшем эту строку. Данные по нему приводит сам фонд Монтичелло, и они довольно жёсткие.

• Джефферсон держал в рабстве более 600 человек за свою жизнь: около 400 в Монтичелло и ещё 200 на других его землях.

• В любой момент в Монтичелло находилось примерно 130 порабощённых людей.

• Он продал более ста десяти человек.

• Освободил он лишь десять человек из шестисот с лишним, и все они принадлежали к одной семье. Монтичелло уточняет: двоих при жизни, ещё пятерых по завещанию. Остальные три случая в разных источниках описываются по-разному.

В 2020-х на мемориальной стене в Монтичелло выгравированы 610 имён людей, которые жили и трудились на плантации.

Горькая деталь. Автор формулы «все люди созданы равными» и автор обвинения в адрес короля за предложенную рабам свободу один и тот же человек. И он же сам писал, что рабство зло: сайт Монтичелло отмечает, что Джефферсон называл рабство злом, но никогда не освободил подавляющее большинство людей, которых держал в неволе. В 1785 году в «Заметках о штате Вирджиния» он писал, что трепещет за свою страну, вспоминая о справедливости Бога.

Кто ещё не вошёл в «все люди»

(Крупный план. Письмо от 31 марта 1776 года.)

Рабы и индейцы не единственные. За три месяца до Декларации Абигейл Адамс писала мужу, что при составлении законов нужно «помнить о дамах». Джон отшутился. В итоговом тексте женщин нет совсем.

К этому списку позже добавятся те, кто не владел собственностью, и те, кого Конституция определит в три пятых человека (глава 3). Но уже в 1776 году документ работал как приглашение с выборочным адресом: «все» значило тех, кто сидел в зале или имел право в него войти.

Метка: это трактовка, но она опирается на то, как слово «все» применялось на практике.

(Свет гаснет. Остаётся одна строка.)

Мы разобрали каркас лозунга. На одной стороне стоит «все люди созданы равными». На другой стоит предложение, в котором одни люди названы «внутренними восстаниями», а другие «беспощадными дикарями». Лозунг и исключение из лозунга лежат в одном документе, рядом, и прочитаны одним голосом в один и тот же полдень.

Это не повод для ненависти и не повод для оправданий. Это повод читать документ целиком. Хорошее шоу умеет показывать не только то, что в нём гениально, но и то, что оно не заметило. Или заметило и решило промолчать.

Остаётся финал главы: подписи. Главный документ нации подписывают не 4 июля, а в августе, и подписывают его не так, как мы привыкли видеть на картине.

* * *

(Филадельфия, 2 августа 1776 года. Стол, пергамент, перо. Картина, которую вы помните, написана о другом дне.)

Подписать документ и родить страну — разные события. Между ними почти месяц.

Пергамент

Начнём с приказа. 19 июля, после того как Нью-Йорк присоединился к остальным штатам, Конгресс распорядился: текст, принятый 4-го, аккуратно переписать на пергамент под названием «Единогласная декларация тринадцати соединённых штатов Америки» и подписать каждым членом Конгресса. Тем самым подтверждается то, что мы говорили выше: слово «единогласная» вписали задним числом.

Переписчиком, скорее всего, был Тимоти Мэтлак. Историки считают, что он переписывал текст между 19 июля и 1 августа.

2 августа

(Крупный план. Журнал Конгресса. Строка без пафоса.)

Запись в журнале сухая: текст Декларации, переписанный и сверенный, был подписан. Ни речей, ни торжества. Журнал, где это записано, секретный.

Историки реконструируют картину так: в тот день, вероятнее всего, подписали 49 делегатов, и Хэнкок подписал первым. Остальные добавляли подписи по мере появления в Филадельфии.

Список подписантов не равен списку голосовавших

(Свет по очереди выхватывает пустые стулья.)

Теперь о том, кого не было, и о том, кто появился позже.

Семь будущих подписантов отсутствовали 2 августа. Восьмерых избрали в Конгресс уже после 4 июля. Один из них, Мэтью Торнтон, попросил разрешения подписать, хотя в Конгресс его выбрали только в сентябре 1776 года. Люди ставили подпись под документом, при принятии которого их не было в зале.

Есть и обратная сторона. Некоторые из тех, кто участвовал в событиях 4 июля, текст не подписали (Дикинсон и Ливингстон, о которых мы уже говорили).

Самая показательная фигура здесь Томас Маккин, тот самый, который отправил гонца к Родни. Он, вероятно, подписал только после января 1777 года, а возможно, и в 1781-м. Его имени нет в листовке Годдард, напечатанной в январе 1777 года. В 1796 году Маккин оспорил распространённое мнение, что документ подписывали 4 июля, и, по оценке Гарвардского проекта Declaration Resources, в этом споре был прав: пергамент заказан 19 июля, а подписывать начали 2 августа.

Человек, обеспечивший единогласие, подписал последним, и именно он помнил даты точнее всех.

Тайна

(Затемнение. Звук запертой двери.)

Теперь о том, чего публика не видела. Листовки июля несли только имена Хэнкока и секретаря Томсона. Остальные имена **скрывали**: Конгресс сначала держал их в секрете из опасений британских репрессий.

Первый официальный список с подписантами появился лишь 18 января 1777 года, когда в Балтиморе печатница Мэри Кэтрин Годдард выпустила копию, где делегаты «пожелали занести текст в протокол», и Хэнкок заверил печать своей подписью. Историки обычно связывают это с тем, что после побед при Трентоне и Принстоне у Конгресса появилось больше уверенности.

Причина секретности понятна. По британскому праву разрыв с короной считался государственной изменой, наказанием за которую была смерть. Подпись была не жестом, а уликой.

Горькая деталь №1. Последняя фраза Декларации звучит так: подписанты закладывают друг перед другом «свои жизни, состояния и священную честь». Честь они закладывали анонимно, и ставку скрывали полгода.

Легенды вокруг пера

(Ремарка для читателя: для каждой истории свой уровень доказательств.)

•

Огромная подпись Хэнкока: «чтобы король прочёл без очков».

Легенда.

Размер подписи реален, но реплика появляется в позднейших пересказах.

•

«Если не повиснем вместе, повиснем порознь» (Франклин).

Легенда.

Современных свидетельств у фразы нет, впервые она появляется спустя десятилетия.

•

Шутка Харрисона и Гэрри про виселицу.

Воспоминание.

Её записал Бенджамин Раш около 1811 года, спустя тридцать пять лет.

•

«Все подписали 4 июля».

Ошибка памяти.

По записям Джефферсона, Адамса и других, Декларацию подписали 4 июля, а Маккин в 1796 году с этим спорил.

•

Картина Джона Трамбулла в Капитолии.

Её принимают за сцену подписания. На ней изображён момент, когда комитет представляет проект Конгрессу 28 июня, а часть присутствующих там не была.

Все пять легенд объединяет одно: на месте «подписи» оказалась красивая сцена, которой в документах нет.

Горькая деталь №2. По популярной версии, подписанты поголовно разорились или погибли за дело. Реальная картина скромнее: никого не казнили, пятеро были взяты в плен, часть потеряла имущество. Жертва была, но не такая, какой её рисуют.

Итог главы

(Свет гаснет. Возвращается афиша, с которой мы начали.)

Давайте перечитаем главу как одно целое.

• Страну сначала
продали
(Пейн), и только потом написали.

• Автора выбрали по
квоте
и безопасности, а не по таланту (комитет).

• Лучшая фраза
смонтирована
из чужих слов (Мейсон, Локк).

• Адресат текста сидит
за океаном
(Франция).

• Самую честную строку вычеркнули
союзники
(рабство).

• Единогласие
собирали вручную
(Родни, Пенсильвания, Нью-Йорк).

• Премьеру сыграли
спектаклем
: голос, колокол, огонь, падающая статуя.

• В тексте остались
исключённые
: «внутренние восстания» и «дикари».

• Подписи появились
позже
и держались в секрете.

Первое правило мы произнесли в самом начале главы: премьеру назначает тот, кто печатает афишу. Теперь добавим главную мысль главы: **либретто хорошо работает, потому что его редактировали сто раз и называли «единогласным», а история подтвердила красивую версию.**

Но у пьесы нет труппы. Тринадцать штатов, только что объявившие себя государством, не умеют ни собирать налоги, ни платить солдатам. Страна есть, а сценария на то, как ей жить, нет. Первую попытку его написать мы увидим в **главе 2**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.